Текст · 11 ноября 2022, 08:33
Анна Павлова,

«Три года отсидеть проще, чем уехать на смерть». Как вернувшихся с войны контрактников снова отправляют на фронт

Объявив мобилизацию, Владимир Путин не только отправил на фронт необученных новобранцев, но и запретил контрактникам увольняться. По закону им теперь почти невозможно отказаться воевать без риска попасть под уголовное дело (статьи о дезертирстве и неисполнении приказа тоже ужесточили). На фоне бесконечных сообщений о тяжелом положении мобилизованных и потерях среди них «Медиазона» решила выяснить, что происходит с контрактниками, вставшими перед выбором: вернуться на войну или оказаться в тюрьме.

«Я с этой тюрьмы только приехал, и первый вопрос от управления в бригаде был: "Когда обратно едешь?". Я говорю: "Никогда". "Тогда будем увольнять". — "Увольняйте, я туда обратно не поеду". Развернулся и ушел», — вспоминает 24-летний лейтенант Иван Малышев[1]. Несколько месяцев он воевал в Украине, а летом решил разорвать контракт. Малышева держали в лагерях для отказников на территории ЛНР, потом насильно вывезли на передовую, избили и угрожали убийством, если он не согласится продолжить воевать. Попасть домой Малышев смог только в середине августа благодаря вмешательству родных и адвоката. Он сразу решил уйти со службы, но процедура увольнения затянулась.

«Офицеру сложнее уволиться даже в мирное время. Потому что их через другие еще всякие инстанции проводят, — объясняет он. — И я притом молодой офицер, и мне нужно обязательно прослужить пять лет с момента выпуска, потому что Министерство обороны деньги заплатило за обучение».

Летом в неформальных тюрьмах на территории самопровозглашенной ЛНР насильно удерживали российских контрактников, решивших отказаться от участия в войне. В начале августа последний такой лагерь, развернутый в недействующей колонии в Перевальске, закрыли. В октябре стало известно, что он вновь работает и туда свозят отказников из числа мобилизованных.

По данным телеграм-канала **Astra**, на территории ЛНР и ДНР существует не менее семи таких лагерей, по сути подвалов, где держат военных, которые отказываются от участия в боевых действиях. **Astra** пишет, что им известны имена 60 человек, которые удерживаются в этих тюрьмах. Реальное количество заключенных еще выше. Родственники мобилизованных рассказывают, что им угрожают расстрелом, не дают связаться с близкими и содержат в ужасных условиях.

По словам Малышева, в его взводе из примерно 25 человек половина уже уволилась. Сам он не успел: спустя месяц с небольшим после его возвращения в Россию, 21 сентября, Владимир Путин подписал указ о «частичной» мобилизации, и покинуть службу стало почти невозможно — согласно документу, военные

контракты должны будут действовать до окончания мобилизации.

«Продляют контракты, их теперь могут уволить только по трем основаниям: это либо старость, либо здоровье, либо тюрьма, — говорит юрист[2] коалиции "Призыв к совести". — Первое: по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, то есть состариться можно. Второе: по признании не годным, то есть категорию годности "Д" когда ставят врачи, если ногу оторвало или что-то еще. Третье: в связи с назначением наказания в виде лишения свободы».

«Пытаются отправить по второму, по третьему разу». Угрозы уголовными делами

С момента возвращения лейтенант Малышев старается как можно реже появляться в части. Сначала он объяснял это тем, что ждет, когда рассмотрят его документы на увольнение, теперь прикрывается больничными. «Как вы понимаете, после [лагеря в ЛНР] на службу ходить не хочется», — говорит он.

По его словам, несмотря на мобилизацию, контрактников по-прежнему массово отправляют на войну, поскольку боевые навыки у них в любом случае лучше, чем у новобранцев, которых бросают на передовую без подготовки и зачастую без нормального вооружения. Офицер отмечает, что лично ему пока просто предлагают вернуться в

Украину, но он понимает, что потом на него начнут давить.

Спустя три дня после объявления мобилизации, которая усложнила увольнение контрактникам, вступили в силу поправки в Уголовный кодекс, ужесточающие ответственность по множеству статей главы 33 УК, где говорится о преступлениях против военной службы. Теперь многим отказникам грозят уголовными делами за неисполнение приказа[3].

Судя по всему, это оказалось действенным способом надавить на военных, не желавших отправляться на фронт. «Даже те, которые когда-то отказались, которые там на зоне со мной чалились, [поехали], — рассказывает Малышев. — Люди в тюрьме были, даже не понимали, что с ними будет завтра, и их опять туда отправляют. Настроение у них подавленное, но не хотят сесть». Некоторые, говорит военный, пытаются выкрутиться, но многие поверили командованию, что выхода у них нет, «смирились и поехали».

«Большинство контрактников — это стадо, это телята такие, которым что сказали, то и будут делать, — еще категоричнее высказывается другой кадровый военный, 34-летний Дмитрий Квадрин[4].

, тоже прошедший через лагеря для отказников.
— Это удобно командованию. Я вижу, что таких отпинывают, людей пытаются отправить по второму, по третьему разу уже, когда они еще даже лечения не получили. Люди едут, потому что им говорят: "Вот на тебя уголовное дело будет". Все, он собрался и поехал».

На войну Квадрин попал летом. Он говорит, что ехал в Украину «заряженным патриотом» и думал, что будет «убивать нацистов», но понял, что не хочет воевать, когда увидел разрушенные города и села. «Когда пересекал границу и видел населенные пункты, которые мы, так скажем, в ходе наступления захватывали, мы их просто сносили. То есть там не могло не страдать мирное население, — рассказывает контрактник. — Я видел этих бабушек, видел этих детей голодных, грязных, то есть когда меня довезли до передка, я уже сразу знал, что я стрелять никого не буду. Я попытаюсь оттуда сорваться».

На передовой Квадрин, по его словам, сразу сказал командованию, что не будет воевать. Он пробыл там три дня, дожидаясь, пока за ним и другими отказниками приедет машина. Им предложили охранять пункт управления в тылу, и они согласились. Но позже командование снова стало настаивать, чтобы контрактник ехал на боевые позиции, а когда он отказался, Квадрина отправили в лагерь в Брянке.

Из неформальной тюрьмы он выбрался, «обведя вокруг пальца» одного из руководителей лагеря: Квадрин смог убедить начальника, что ему нужна госпитализация. Впрочем, после возвращения в Россию военный действительно проходил лечение, а потому и не успел уволиться. Теперь командование требует, чтобы он вернулся на войну.

«У нас уже отказники приезжают, их обратно отправляют, уже раненые приехали, отлечились, уже обратно поехали. Раз в месяц, два раза в месяц уезжает по 20-30 человек. Там особо-то не спрашивают.

Пришла бээрка на тебя, боевое распоряжение — собирайся», — говорит Квадрин.

Многие из его сослуживцев сейчас «служат в поте лица» в части, чтобы их вновь не отправили на фронт. «Незаменимыми людьми пытаются показаться, мол, меня не надо отправлять, я слишком много делаю, — усмехается военный. — Мне прямо угрожали, что ты в следующую команду [войдешь]. Ну включат меня в команду... Я не получил еще полноценного лечения. Я еще не был на реабилитации, которая мне положена. И когда они меня включат в команду на убытие, я напишу: "Согласен после получения лечения полноценного". Я просто не хочу сразу перед ними все козыря доставать». На такие же способы избежать отправки на войну рассчитывает и лейтенант Иван Малышев.

«Их могут мобилизовать». Перспективы контрактников

«Есть две категории тех, кто уволился до 21 сентября. Те, по кому было принято решение об увольнении, но не было принято решение об исключении их из списков личного состава воинской части. И те, кто уволился, успел исключиться из списков личного состава и уехал домой», — говорит юрист коалиции «Призыв к совести». Первые, по его словам, оказались в ситуации «правовой неопределенности» и вынуждены продолжать служить, потому что из-за начавшейся мобилизации их отказываются исключать из списков личного состава.

Иллюстрация: Mari Msukanidze / Медиазона

«Нам писал военнослужащий, у которого 15 сентября истекал срок контракта, но он продолжает проходить военную службу. Ему сказали: "А все, он продляется". Я исхожу из того, что их, конечно же, должны исключить из списков личного состава, если уже было принято решение об увольнении, — говорит собеседник "Медиазоны". — С точки зрения закона им нужно добиваться исключения, потому что нет такого основания для неисключения в период мобилизации».

Успевших уволиться может ждать другая проблема: по словам юриста, «их могут мобилизовать, даже если уволили за несоблюдение условий контракта или за отказ от участия в военной операции, пока это не было уголовно наказуемым».

Бывший военный Тумэн Хандаев[5] весной отказался воевать после того, как его подразделение отступило из-под Киева, а летом смог уволиться со службы. Он говорит, что ему известны случаи, когда ушедшие со службы контрактники попадали под мобилизацию.

«Один сослуживец мобилизован. Увольнялся вместе со мной, но он не был весной в зоне боевых действий, отказался от "учений" еще в январе, потому что собирался увольняться», — рассказывает бывший контрактник. Сейчас его знакомый находится в Ростовской области и ждет отправки в Украину.

«Поехал, потому что патриот. Родина сказала: "Надо"», — иронизирует Хандаев.

Другой знакомый ему мобилизованный — отказник «с первого захода 24 февраля», который тоже уволился, но теперь снова воюет, потому что боится уголовного дела. Самому Хандаеву повестка не приходила.

28 октября министр обороны Сергей Шойгу доложил Владимиру Путину о мобилизации 300 тысяч человек — именно столько мужчин ведомство обещало призвать в рамках «частичной» мобилизации. Но Путин указ о завершении мобилизации так и не подписал. Без этого, как отмечают правозащитники, говорить о ее окончании нельзя.

«Шойгу говорил, что "завершены мероприятия" по мобилизации, но это не означает завершение мобилизации», — говорит юрист коалиции «Призыв к совести». Период мобилизации, отмечает собеседник «Медиазоны», можно завершить только указом президента. «На сегодняшний день они мероприятия завершили, завтра они могут эти мероприятия продолжить», — говорит он.

Лейтенант Иван Малышев тоже считает, что мобилизация «ни фига не прекратилась», и уволиться не дают даже тем, у кого истек контракт. «Если я сейчас приду, к примеру, скажу: "Все, увольняйте, мобилизация закончилась". Они скажут: "А вы покажете указ, директиву президента или министра обороны?". Они же это только на словах сказали», — возмущается он.

Дмитрий Квадрин, у которого скоро истекает срок контракта, уже настраивается идти в суд и, если понадобится, апеллировать к «официальному заявлению» Владимира Путина о завершении мобилизации. Специалист коалиции «Призыв к совести» в эффективности такого аргументы сомневается: «Только в рамках троллинга такого. С точки зрения закона у них нет оснований говорить, что их контракты не должны продлевать».

«Он не хочет связывать свою жизнь с армией». Полгода на войне и иск в суд

23-летний десантник Николай Романов[6] подписал контракт за несколько месяцев до начала войны. Срочную службу он до этого не проходил — по словам его матери Татьяны, молодой человек очень хотел служить в армии и решил сразу идти по контракту. В феврале его отправили в Крым, а оттуда перебросили в Херсонскую область.

«Он совсем ничего отслужил. Уже позже узнала, что он служил без присяги, он прыгал с парашютом без присяги, ему дали оружие в руки без присяги, его послали туда без присяги», — говорит женщина.

Желание вернуться домой у Николая возникло еще в марте, но в итоге он пробыл на войне больше полугода без перерывов, рассказывает его мать, Романова не отпустили домой, даже когда Татьяна серьезно заболела. По словам женщины, сын несколько раз писал рапорты об отказе от участия в боевых действиях, «но они никуда не доходили».

В августе Романов через «Госуслуги» подал рапорт об увольнении по собственному желанию «в связи с невозможностью в дальнейшем проходить военную службу по убеждениям совести», а через несколько дней на него составили протокол о грубом дисциплинарном проступке — «уклонении от исполнения обязанностей военной службы». Командир части принял решение о его досрочном увольнении со службы. Тем не менее из-за мобилизации он до сих пор не может уйти из армии — его не увольняют ни по собственному желанию, ни в качестве назначенного командиром дисциплинарного взыскания.

«Выходили [из Украины] мы сами. Нас никто оттуда не выводил, — говорит Татьяна о сыне. — Он сдал оружие, сдал медикаменты, как положено. На тот момент еще не было поправок в закон, по которым отсутствие в течение двух дней уже статья уголовная[7]. Пока он оттуда выходил, мне звонили, угрожали: "Вы понимаете, что вашего сына посадят?". И когда он вышел, естественно, он пришел в часть, начались разбирательства, на него пытались повесить дезертирство».

Сын не рассказывал Татьяне, что с ним происходило на войне, но он сильно похудел, говорит она: «Мальчишка под два метра ростом, он был такой плотный, очень красивый, а в нем, я не знаю, если килограмм 70 осталось, это уже хорошо».

Сейчас Романов вместе с адвокатом Максимом Гребенюком, создателем проекта «Военный омбудсмен», пытается добиться увольнения через

суд. На днях он подал иск[8], в котором просит

суд обязать командира части рассмотреть рапорт контрактника об увольнении, исполнить принятое им же решение о дисциплинарном взыскании в виде досрочного увольнения Романова, а также предоставить ему положенные за участие в войне дни отдыха и два отпуска. Суд уже принял заявление Романова и назначил его рассмотрение на 14 ноября.

«Мы в иске ссылаемся на то, что президент Российской Федерации сказал, что мобилизация завершена, точка поставлена», — говорит адвокат Гребенюк.

Одновременно с иском Романов попросил суд о мерах предварительной защиты: приостановить решение командира вновь отправить его в Украину, пока не будет рассмотрено его обращение и пока он не получит отпуск за прошлый год.

Сейчас, по словам Гребенюка, солдату угрожают уголовной статьей[9] о неисполнении приказа. Об этом рассказала и его мать. Женщина говорит, что в части идет «жесткая моральная обработка» и сын жалуется ей, что устал от этого давления.

«Они начали пытаться его отправить обратно. Он сказал: "Обратно я не поеду любыми путями". Он принял для себя решение вплоть до уголовной ответственности, — говорит Татьяна Романова. — Контракт был заключен на два года, но он принял решение закончить службу, то есть он не хочет связывать свою жизнь с армией».

Лейтенант Иван Малышев, у которого контракт истекает только через три года, признается, что придуманных им уловок, чтобы не ехать на войну, хватит месяца на два.

«Ну, я просто в отказ пойду, и все. Я скажу: "Я туда не могу ездить, потому что не считаю себя в безопасности даже у своего подразделения. Эти люди, которые меня там удерживали, грубо говоря, они меня там ждут, чтобы меня убить, пока люди не будут наказаны, я отказываюсь туда ехать". Следственный комитет же на мое заявление ничего не ответил», — говорит он.

Малышев понимает, что ему все равно может грозить срок, но не отчаивается и надеется, что он будет условным, а сам факт судимости после войны и нескольких недель в плену у собственной армии его не пугает. То же самое говорит и Квадрин, который теперь из принципа отказывается носить форму. Он возмущается, что многие его сослуживцы, которые до этого «были в отказе», теперь решили отступить, опасаясь уголовного преследования.

«Я пытался еще некоторых отговорить своих товарищей: "Ну, ты понимаешь, что три года отсидеть проще, чем уехать на смерть?". "Да тюрьма же, пятно на всю жизнь". Я говорю: "А пятно от осколков в голове вообще не оттирается. И руки от крови тоже не отмываются", — говорит Квадрин. — То есть я вообще искренне не понимаю, почему они так поступают».

Редактор: Мария Климова

1. Имя изменено. Из соображений безопасности собеседника «Медиазона» не называет, в какой части и каком регионе он служит.

2. Собеседник попросил об анонимности.

3. Речь идет о новой части 2.1 статьи 332 УК: «неисполнение подчиненным приказа начальника» в период военного положения, в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от двух до трех лет.

4. Имя военного изменено. Из соображений безопасности собеседника «Медиазона» не называет, в какой части и каком регионе он служит.

5. Имя изменено.

6. Имя изменено.

7. Вероятно, Татьяна имеет в виду статью 337 УК о самовольном оставлении места службы. Наказание по ней тоже ужесточили: от двух до 10 суток отсутствия — до пяти лет лишения свободы (прежде — до года); от 10 суток до месяца — до семи лет лишения свободы (прежде — до трех лет); больше месяца — от пяти до 10 лет колонии (прежде максимальное наказание было пять лет).

8. Есть в распоряжении «Медиазоны».

9. Часть 2.1 статьи 332 УК.